

Каждый уверен, что лучшие сны достаются ему. «Рубин» уступал «Спартаку» ноль-один, а на восьмидесятой минуте Коля выскочил на замену. Он забил дважды: головой и со штрафного. Коля с восторгом рассказывал, как широко расставил ноги, точно Криштиану Роналду, разбежался и ударил в девятку. У вратаря Реброва глаза на лоб полезли. На автограф-сессии к герою матча сквозь репортеров прорвался скаут «Реала» и позвал в Мадрид.

На этом месте Колю перебил Алмаз:

— Скаут «Реала» с тобой на русском, что ли, говорил?

Алмаз во сне сбежал из дома в Донбасс. С ополченцами он устраивал рейды в тылу противника. В решающем бою Алмаз мчался на мотоцикле вдоль вражеских окопов и косил украинских фашистов из автомата. Горячие гильзы струями выбрасывало в воздух. Министр Шойгу лично нацепил герою медаль на грудь.

Мы возмутились. Восьмиклассник против боевиков, ну конечно.

— Да ты в «ГТА» переиграл, — вынес вердикт Коля. «Боец» обиделся. По его словам выходило так: мы не патриоты и будущее покажет, кто чего стоит на деле.

Алмаза и Колю помирила моя история. Мне снова приснился полет. Снова я кружил над городом, то хватая пальцами облака, то пикируя в самые оживленные перекрестки, чтобы выровнять курс в секунде от столкновения с бампером или асфальтом. Мягкое приземление на детскую площадку, затерянную на

украине, щекоткой отдалось в пятках. Несмотря на сумерки, свет в окнах высоток не горел. Одиноким мальчик в песочнице бубнил над куличиками, будто накладывал заклятья. Бабушка в расписном платке вышивала на скамейке. Было тихо, как если бы все звуки отловили и заключили под стражу. Я сидел на качели. Зеленая краска на сиденье и подлокотниках местами отколупалась, и качели оттого казались близкими и настоящими, со своей потрепанной душой. Я раскачивался, делал «солнышко» и, сорвавшись, взмывал под серые облака. В груди клокотало, уши закладывало от ветра, и земное притяжение подчинялось мне.

Наверное, описывать ощущения — не мой конек. Сон с полетом одноклассников не впечатлил. Коля назвал его неэффективным, так как площадок с качелями полным-полно по стране, а клуб «Реал» — единственный на всю галактику. По словам Алмаза, раз сон повторяется, то он скучный, а самое интересное существует в единичном экземпляре. Я с ними не спорил.

Когда мы спускались в раздевалку, Чулпан призналась, что подслушала.

— По-моему, нельзя запросто определить, чей сон лучше, — сказала она.

— Почему это? — спросил я.

— Не с чем сравнивать. Ты же не видел сна Коли или Алмаза, чтобы проверить.

— Это неважно. Любому ясно: полет круче. На войну, тем более на футбол, можно попасть и в жизни.

— У сна другие правила. Важны детали. Без них получится скучнее, чем прогулка до магазина.

Я не понял, что Чулпан имела в виду, поэтому сменил тему:

— Что снилось тебе?

— Как я разбила сервиз и пряталась у сестры под кроватью. Не представляешь, как я испугалась! В темноте, в пыли. Я видела лишь краешек покрывала и ноги. Потом сестра легла, и раздался долгий-долгий скрип. Милана стройная, а я почему-то я думала, что ножки подломятся и кровать рухнет на меня. — Чулпан смотрела широко раскрытыми глазами.

— Тебя нашли?

— Нет. Я не выдержала и проснулась.

Чулпан появилась у нас в феврале. Ее до сих пор считали новенькой. В школе было принято носить синюю форму, а она ходила в черной. На родительском собрании ее мама обещала купить синюю к сентябрю, если Чулпан не переведется в другую школу. Ее посадили за парту со мной. Я был рад. Она выручала меня с математикой и физикой. Ради справедливости я предложил новой соседке помощь с изложениями и диктантами. Она отказалась, так как справлялась с ними не хуже моего. Голос у Чулпан был удивительный, как у доброй мамы из фильмов, которая все понимает и которой нет желания возражать. При этом новенькая не искала дружбы со всеми, поэтому некоторые девочки не любили ее — называли Силой Тьмы за черную форму и пускали слухи, будто Чулпан курит за гаражами и ворует батончики из «Магнита».

Медно-рыжие волосы новенькой завивались у кончиков. Глаза цветом напоминали мрамор. Когда я уточнил, зеленые ли они, Чулпан сказала беззаботно:

— Зеленовато-серо-голубые. Вроде того. У сестры такие же.

— Они похожи на океан.

Хотя она не поблагодарила за комплимент, я видел, как сравнение ей понравилось. На перемене она угостила меня яблоком. Мы как раз изучали мифы Древней Греции, поэтому поспорили, что могущественнее: яблоки Гесперид или яблоко раздора. Я утверждал, что первые: они золотые и редкие, их и Геракл с трудом добыл, а остальным не достать нипочем. Чулпан доказывала обратное.

— На яблоки Гесперид даже не полюбуешься — их Афина вернула в сад. И Геракл зря Антея убил. А яблоко раздора изменило судьбу человечества, — говорила новенькая.

Она умная, а не просто ботаник. Такого я не могу сказать ни об одной девочке, кроме нее.

Дом у нас с виду обычный. Подъезд — обычный из обычных. А поживешь месяц, вникнешь — тогда

странности и самые настоящие аномалии высвечиваются как прожектором.

Двор заставлен машинами, а ближайшие качели — на детской площадке через два дома. Я уже вырос, и теперь катаюсь на качелях только во сне. Детская площадка влекла голубятней, которую построил неподалеку дед в зеленой спортивной куртке и белой кепке. Он из нашего подъезда. О дедушке известны две вещи: он любит голубей и не любит свадьбы, так как молодожены выпускают белых голубей в небо, а те погибают. Мама за глаза называет деда безумным голубятником.

Дом наш девятиэтажный. Я редко поднимаюсь выше третьего, на котором живу. С третьего тоже видно и слышно порядком. В квартире над нами как раз живет дед-голубятник вместе с сыном и его семьей. Летом сын с женой уезжают на дачу, оставляя деда с внуком. Внуку, наверное, лет двадцать пять. Не представляю, куда он девадет деда, потому что летними днями он закатывает такие вечеринки, что пол и потолок дрожат от клубной музыки. Как будто коктейлем Молотова заливает уши. При встрече внук здоровается с моим папой, чуть кланяясь. Я еще не решил, внук с вечеринок и вежливый внук — это один человек или нет.

Вообще, соседи мало общаются между собой. Если верить бабушке, раньше было иначе. О соседях больше узнавали, чем додумывали.

Сложно не заметить татарку из тридцать восьмой квартиры с лицом, как дряблый персик, и черными, с проседью, волосами. Время от времени она визжит на весь подъезд, если кто-то раскидал листовки из почтовых ящиков. У ступенек можно встретить горбатую старуху, кормившую бродячих собак во дворе, до того как их отравили. Старуха ждет, пока ей поднимут тележку до лифта. Дверь в подъезд караулит старик с густыми бровями и красным носом размером с дюлю. Из-за выпирающих щек и лба его глаза будто вдавлены в лицо. Старик всегда в шапке, даже летом, словно она приросла к голове.

У лифта на полу сохранилось темное пятно. Прошлым летом кого-то вырвало, и оттереть эту мерзость до конца уборщице не удалось. Слышали бы вы, как орала татарка из тридцать восьмой. Казалось, ее не то что режут — топором рубят. На каждом этаже, у электрощитов и на лестничных площадках, из пола торчат трубы. На середине они превращаются в покрытые защитным слоем провода, которые вырастают в полотно, чтобы на следующем этаже снова вылезти из пола трубами. Я спрашивал у папы, для чего они. Он ответил: «Они передают ток».

Стены раньше говорили бессвязными записями: «14.06.12 Ни кто не забыт, ни что не забыто», «Я твой пупс анон», «Здесь был Борщ», «Дорогу красному

комиссару!», «I hate everything about U! Why do I love U?» Кто-то играл на стене в крестики-нолики, кто-то некрасиво рисовал короны или рожицы. Позднее все искусства замазали густым слоем голубой краски. Кое-где неистребимый черный маркер проступал сквозь нее.

За выкрашенной в синий железной дверью есть другая, такая же. За ней — деревянная. За ней живет моя семья.

Мама помешана на фитнесе и диетах из журналов. Она неутомимо жалуется — на память, на цены, на ржавую воду из крана. Папа тоже жалуется, но не в присутствии мамы. При ней он бодр и много шутит. Поводом для шутки служит все подряд: проект в Сколково, заглохший пылесос, паук на потолке. Раньше папины шутки смешили меня, теперь я вырос и, как и все остальные, не смеюсь над ними. Папа говорит, что его цель — не вызвать смех, а разрядить атмосферу. Он носит очки с толстой оправой, они идут к его полосатой рубашке с короткими рукавами. Мама шурится и трет глаза при чтении, но очки не покупает.

Папа с мамой любят друг друга, поэтому всегда мирятся после ссор.

Моя сестра красит волосы каждый сезон, а прическу меняет раз в месяц. Стабильность — это не про нее. Хотя как посмотреть: три года она передвигается по квартире с плеером в кармане шорт и торчащими из ушей проводами. Забавно, когда она одинаковым ровным тоном переспрашивает маму: «А? Что?» Еще сестра развесила по комнате картинки из аниме и постеры с корейскими музыкантами. Музыкантам лет двадцать — двадцать пять, и они похожи на нежных мальчиков. А еще больше — на девочек. Не дура ли?

Красноносый старик в неизменной шапке занял свой пост рано.

С трудом оттолкнув от себя магнитную дверь, в утро четверга я вышел из подъезда. Старик, скривив лицо, издал резкий звук, что-то среднее между криканьем и мяуканьем. Пакет со сменной обувью едва не выпал у меня из рук. Спустя миг я сорвался с места, потому что красноносый запрыгал на одной ноге, как раненый.

Расстояние до школы я преодолел бегом, дважды чудом не растянувшись на скользком асфальте. Забуксовка вышла единожды: нога пробила тонкую белую кромку льда на луже, словно замершую от страха растаять. Ботинок черпнул холодной мутной воды, но и тогда я не позволил себе обернуться. Каждая секунда дорога.

Первым уроком у нас была физкультура. Султан Азатович, животастый тренер со свистком на груди, увидел меня, несущегося в школу, и посмеялся — дескать, разминку до занятий провел, молодец. Ему о

полоумном старике не расскажешь. А после двух уроков футбола и самостоятельной по математике утренний случай отодвинулся в сторонку. Ну, крикнул. Ну, попрыгал. Может, он от холода затанцевал. Минус три, а погода на пожилых сильно влияет, вам любой скажет. А у меня фантазия взбунтовалась, потому что до лета два с половиной месяца, а от школы сплошная усталость.

Притихший на математике, на обществознании класс оживился. На теме «Государство» Румина Максимова задала нам проект на дом. В это не сразу верилось: на обществе и истории у нее мы большей частью записывали термины и таблицы с датами, решали тесты. А тут проект. Сварливая и похожая на засохшую ветку, Румина Максимовна, по легенде, мучила детей уже сорок пять лет. Если возвращаться к яблокам, то ей и молодильные не помогли бы. Спущу от нее ждать не приходилось. Год назад двоечник Гомберг (честное слово, такая фамилия), чтобы пошутиться над историчкой, спросил:

— А у вас отца Максом звали?

Учительница просверлила Гомберга взглядом.

— Моего отца называли в честь великого писателя Максима Горького. А на месте человека с отчеством Соломонович, — Румина Максимовна тщательно выговорила каждую «о», — я бы не слишком обсуждала других.

Гомберг надолго затих, обстрелянный перекрестным хохотом. Через месяц Соломоновича перевели в вечернюю школу. Он украл плеер у Алмаза.

В общем, проект по обществознанию был замечательным. Суть в том, что мы в группах по двое продумывали свое микрогосударство. Им могли стать торговый центр, туристическая фирма, дачный кооператив — да все, что угодно, лишь бы все укладывалось в схему. В схеме отводилось место лидеру, службам образования, охраны и здравоохранения, торговле, развлечениям; а главное, микрогосударство в сумме должно равняться единому обществу, где все взаимосвязано. На задание давалась неделя, затем — защита перед классом.

Я бы без раздумий соорудил бомбовый проект на пару с Колей, но его не было. Наверное, умотал на стажировку в «Реал». Поэтому когда мне предложила партнерство Чулпан, я согласился. Мне хотелось подбодрить новенькую. Про нее пустили новый слух: будто она ехала в автобусе на маминых коленях. К чести Чулпан, она отнеслась к этому с безразличием. И все равно я чувствовал, что поступлю правильно, сделаю ей приятное.

Я позвал Чулпан домой. Родители до пяти на работе, а у сестры по четвергам и понедельникам курс по корейскому языку. Конечно, маме не понравится, если она узнает. В октябре, когда мне купили при-

ставку Xbox360, Коля разве что не ночевал у нас в квартире. Один раз он унес джойстик, засунув его во внутренний карман куртки («По чистой случайности, дружище!»). Только чудо и клятва историчке взяты за ум спасли меня от тройки в первой четверти. Мама водить друзей запретила.

Но Чулпан-то другое дело. Во-первых, у нас проект. Во-вторых, мама не узнает. В-третьих, новенькая мне пока не друг.

Чулпан обещала явиться к трем. Я с улыбкой и вроде как строгим тоном велел ей захватить мозги. Типа комплимент. Ее лицо засияло, и мраморные глаза как будто потеплели.

Полоумный старик, скачущий на одной ноге, вспомнил по дороге из школы. В старых книгах о таких говорили, что он бесноватый. Подойдя к своему дому, я осторожно выглянул из-за края. Никого. Я вытащил ключ из портфеля. Никого. Собраться с духом, добежать до подъезда, приставить ключ к магнитному замку, дождаться сигнала и, потянув тугую дверь, ворваться внутрь.

Наши окна не выходили во двор. Чтобы не рисковать, я встретил Чулпан у подъезда. Бесноватый будто испарился.

В подъезде новенькую миг привлекла доска объявлений. Взгляд моей гостьи, миновав объявления о лечении компьютеров и о доставке пиццы, остановился на кроссворде. Шесть слов по горизонтали («кухня», «образование», «ремонт», «свадьба», «бизнес», «отпуск») складывались по вертикали в «кредит».

— Как клетка без выхода, — заключила Чулпан.

У лифта висела полная гнева записка на листе А4: «Кто украл дверь, верните!!! Сделайте, пока не поздно!!! А то Аллах вас покорает!!!» Ставлю на три завтрака в школьной столовой, что автор — татарка из тридцать восьмой. Буквы, размером с таракана каждая, были набросаны жирным черным маркером.

— Послание от всей души! — Чулпан улыбнулась и нажала кнопку лифта.

— Не стоило, нам на третий, — произнес я.

Мы все-таки дождалась лифта.

Перед тем как открыть дверь, я показал гостье на трубы у электрощита. Те самые, что возникали из пола и, превращаясь в провода на середине, пропадают в потолок.

— Не знаешь, что за штуковины? — спросил я.

— Нет. А ты?

Я пожал плечами.

— Как кровеносная система, — улыбнулась новенькая.

— Здорово! — восхитился я сравнению.

Снимая куртку и сапоги, Чулпан медленно осмотрелась. Не так, конечно, как осмотрелся бы Мауг-

ли, впервые перешагнув порог человеческого дома, а скорее с интересом, не цепляясь взглядом за все подряд. Моя гостья переделалась до прихода — в черную блузку с длинными рукавами и черные, не для школы, брюки. Сила Тьмы, внутренне пошутил я.

Мы расположились в моей комнате, за письменным столом. Прежде я перенес ненужные тетради и черновики на подоконник. Чулпан достала чистый лист в линейку и гелевую ручку.

— Есть идеи по проекту? — Она взяла ручку.

— В смысле?

— Микросоударство. Что можно взять за основу?

Она говорила по-взрослому.

— Без вариантов.

— Сначала я думала о театре. Это необычный пример. С одной стороны, у каждого есть функции и задачи: руководитель театра — лидер, режиссеры — министры, вахтер и охранник — служба защиты. И так далее. Кроме того, есть труппа актеров. Каждый из них, мало того что выполняет свою функцию, так еще притворяется кем-то в постановках. Гамлетом, Простаковой, городничим. В театре все как будто не по-настоящему, а как будто и всерьез. Я не могу объяснить... — Чулпан выразительно посмотрела на меня, словно в надежде, что я подхвачу ее мысль.

— Слишком сложно, — сказал я.

— И я так решила. А когда мы поднимались по лестнице, в голову пришла новая идея — подъезд.

Я не поспевал за ней.

— Какой подъезд?

— Твой. Смотри, подъезд в доме не единственный.

Вместе с остальными подъездами он образует альянс — не по своей воле, а так получилось, потому что крыша одна. Другие дома и другие подъезды — другие альянсы и государства. У вас есть старший по подъезду?

— Есть, — сказал я. — На седьмом этаже. Хозяинственный мужик с ротвейлером. Под пятьдесят лет.

— Будет лидером. Далее. Граждане не выбирают государство, как и жители не выбирают подъезд. Правда, один ЖКХ на много домов — это не укладывается в систему...

Буквы на листке Чулпан плавно перетекали одна в другую, как у многих девочек.

— Расскажи о соседях, — попросила гостья.

— По этажу?

— По подъезду.

За стеной жила муж и жена, лица которых напрочь выветривались из памяти через минуту после встречи — настолько неприметные. И мужу, и жене можно было дать как сорок, так и пятьдесят. Они всегда одинаково здоровались, никогда не улыбались и не шумели. Никто к ним не приходил. Помимо них, я рассказал о соседях сверху, о татарке, требующей вер-

нуть неведомую дверь, о бесноватом. Припомнилась история о сегодняшнем утре.

Гостя записывала не поднимая головы, лишь иногда искренне восклицая «Ого!» или «Ничего себе!». Я поневоле залюбовался. По переносице у нее разбрелись веснушки. Не ядовито-яркие, как у Антошки из мультфильма, а едва видимые и потому красивые. Тонкое белое запястье украшал браслет небесного оттенка. По-честному, мне нравится голубой цвет. Другьям, понятное дело, об этом не говорю.

В восторг Чулпан привели надписи, замазанные краской.

— А представь, это голоса, которые замуровали в стену! — предположила она. — Они изнывают и оскверняют ауру подъезда. Допустим, кто-нибудь из жителей заболел. Он думает на сырость, на холод и не понимает, что провинился перед голосами, которых не слышит.

— Ты веришь во все эти ауры, кармы? — полюбопытствовал я.

— Не то чтобы. Передачам по телевизору и ведьмам из газет не верю.

— А во что веришь?

— В то, что у всякой вещи есть душа. И в то, что слова и надписи на стенах не случайны. И душа их живет даже под краской.

— Зато когда краску соскоблят, голоса обретут покой, — подыграл я.

Мы встретились глазами и застыли. В кино в такие моменты обычно целуются.

— Это целый мир, — сказала Чулпан, словно затыкая пробойну в разговоре. — Настоящий организм. Электричество — это кровеносная система... Нет, кровеносная — отопление. Электричество — мозг и нервная система. А лестницы, площадки, окна — кости и внутренности. Краска и побелка — кожа.

— Тогда и людей не нужно, — сказал я.

— Нужны, — возразила Чулпан. — Если собрать все части организма и соединить, то жизни еще не будет. Жизнь получается из другого.

— Из души?

— Или из чего-то, что мы называем ей. Люди — это душа подъезда.

— Грешная душа, — сказал я, вспоминая старика в шапке, татарку с «корающим» Аллахом, внука сверху.

— Какая есть. Ведь жизнь сама по себе не хорошая и не плохая. Она просто существует. Вот и подъезд — он просто существует. Просто жив.

Внезапные повороты мысли Чулпан окончательно сбили меня с толку. Между тем она продолжала:

— От подъезда, как и от государства, не стоит ждать сверхъестественного. Подъезд — это ведь «Падик», группа в «ВКонтакте» с якобы мудрыми цитатами. «Прошлое не вернуть», «Меня трудно найти, легко потерять и невозможно забыть». Дрянь дрянная.

Ни разу мне не доводилось видеть Чулпан такой оживленной.

— Ты не считаешь меня высокомерной и занудной? — спросила она.

— Нет, ты что.

— Я не считаю себя лучше других. Но я не люблю, когда другие считают себя лучше меня.

Ее мраморные глаза снова потеплели. Лист с проектом был исписан.

Мы договорились обсудить проект в школе. До выступления оставалась неделя. Я проводил Чулпан до улицы. На прощание она порывисто обняла меня и зашагала прочь, оставив в недоумении.

У лифта я столкнулся с татаркой. В фиолетовом халате, с разворошенными волосами, она испытующе заглянула в мое лицо. Неясно, проверяла она, не я ли украл ее дверь, или у нее такая манера общения. Левый глаз женщины косил. В иной момент я бы съежился от страха, а сегодня поздоровался.

Пятничным утром требование вернуть дверь исчезло. Судя по тому, что дверь в тридцать восьмой не сменилась, Всевышний глух к просьбам трудящихся. Так сказал папа.

Весь вечер четверга валом валил снег, а ночью подморозило, так что мы с пацанами повытаскивали с балконов ледянки. Мы катались стоя. Не сговариваясь, все приняли негласный вызов: используя ледянки как сноуборд, удержаться на ногах, не упасть на крутом спуске. Каждый все равно падал — кто чаще, кто реже, — и наполнял сапоги и рукава снегом. Алмаз сравнил мартовский снегопад с даром небес.

— Мы понятия не имеем, захотим ли кататься следующей зимой, поэтому ловите шанс, — сказал он.

Отряхиваясь от снега, облепившего куртку и потемневшие джинсы, я поздно заметил старика у подъезда. Шапка на все случаи жизни сидела на голове как влитая. Есть ли под ней волосы или нет?

— Постой, мальчик. Прошу извинения за вчера.

Я чуть язык не проглотил. Переложив ледянки из левой в правую руку, я повернулся к старику вполоборота.

— Ты решил, будто я сумасшедший?

— Н-нет, — соврал я.

— Тебя не осуждают, мальчик. Всякий бы растерялся. Безумный старикашка — гогочет, прыгает. Постой, — властно велел он, когда я сделал шаг. Я повиновался. — Был сон.

Старик говорил медленно, словно нехотя и торжественно отпускал слова на волю. Ноздри красного по-зимнему носа вздымались.

— Был сон. Не бесцельный. Было велено ждать, пока из храма не появятся четыре женщины. Одна за другой. Было три женщины — и ты порвал хрупкую связь.

Старик коснулся шапки тремя пальцами, точно готовясь перекреститься, и отвел руку.

— Меня мама ждет, — пробормотал я.

— Ступай, — покровительственно произнес старик.

Сердце отскакивало от ребер. Чугунный взгляд из-под густых бровей, нацеленный, как крупнокалиберный пулемет, преследовал меня до вечера. Определенно надо поделиться историей с Чулпан.

Чулпан слушала с восторгом и ни разу не намекнула, что я струсил.

— Важный человек в государстве. Будет службой порядка, — заключила она.

— Вот еще. Ему я телефон подержать не доверю, не то что жизнь, — сказал я.

— А полиции доверишь?

— Ни за что.

— Иногда приходится. Когда выхода нет.

На истории Румина Максимовна напомнила всем о проекте.

— Будьте ответственными, — сказала она. — Игра — это тоже очень серьезно. Будьте чуточку стратегами, чуточку архитекторами и всего больше — наблюдателями.

Такое чувство, историчка сама не соображала, что несла.

Я опасался, что новенькая будет таскаться за мной повсюду на правах друга. Не то чтобы я противился. Дело ведь не в Чулпан, а в насмешках, которые на меня посыплются. Сабина, толстуха с вечными претензиями к учителям и к столовской кормежке, заправляющая всем у девочек, сто процентов настроит класс против меня. Чего-чего, а от девичьих подколов лучше держаться подальше — это самое унижительное. Пацаны, пожалуй, травить не станут. Кроме, наверное, Дударева. Тот еще отморозок, через полгода он составит компанию двоичнику Гомбергу в вечерке.

К счастью, Чулпан меня не доставала. Мы переговаривались редко даже на переменах, в столовой обедали за разными столами. В школу она ходила в длинной белой блузке, поэтому я не мог увидеть, при ней ли браслет небесного цвета. Лишь по пути в раздевалку, после биологии, она догнала меня и поинтересовалась:

— Если бы изобрели операцию по превращению несчастных людей в счастливых, притом без вреда для остальных, ее бы одобрили или запретили, как по-твоему?

Я признался, что не думал об этом.

Ничего себе у нее размышления.

В понедельник снег подтаял. Жижа, от души приправленная дворниками песком и солью, здорово злила. Чулпан предложила остаться в школе после

уроков ради проекта. Такой вариант мне не улыбался, и я позвал ее к себе.

Сестра привычно ушла на корейский. Подозреваю, язык ей нужен не для саморазвития, как она клянется, а для того, чтобы выскочить замуж за нежного корейского музыканта и свалить с ним за рубеж. Ей не втолкуешь, что она тут, они там, а поэтому перспективы у нее нулевые. Пора бы повзрослеть, девятнадцать лет стукнуло, а просвета не видно. Наверное, химические вещества от краски для волос впитались в мозг.

Новенькая поднималась по ступенькам с телефоном в руках, по-исследовательски осматриваясь и оставляя мокрые следы. Второй этаж подарил ей приклеенную скотчем на электрошите памятку, начинавшуюся со слов «Автолюбитель, помни!». Чулпан сфотографировала ее. Между вторым и третьем притаились у батареи пепельница и баллон из-под бутилированной воды. Коллекция моей гостьи пополнилась новым кадром. Я не понимал, что к чему. Пепельница и баллон, тысячи их. Прозрачные некогда стекло и пластик потускнели от пепла и пыли, почти слились с полом — и что особенного? Чтобы продемонстрировать свою пользу, дать Чулпан еще пищи для размышлений, я ткнул ногой в сторону клочка седеющих волос, оставленного неизвестно кем. Новенькая навела камеру и на него. Раздался характерный чмок, сопровождающий снимок.

Расположившись за письменным столом в моей комнате, гостья вынула блокнот.

— Я набросала схему, послушай, — начала она. — Старший по подъезду — мужик с ротвейлером. Личность незаметная, в скандалах не участвует. Хозяинственный, немолодой. Идеальный лидер.

— Почему идеальный?

— О нем нет дурных слухов?

— Мм, не припомню.

— Устраивает гадости?

— Нет вроде. Однажды собирал деньги на новую дверь для подъезда, потом ее заменили.

— Не считается. Идеальный лидер.

Я не нашел, чем крыть.

— Далее, — Чулпан продолжала, — служба охраны. С придурью, зато следит за входом и выходом. Убедена, ввалится к вам бомж погреться или подерется кто — красноносый старик разберется лично. Как и службы правопорядка в России, он держит тебя в напряжении. Ты его не любишь, но пачкать подъезд побоишься.

По сути, он права. Когда разбрасывают листовки и бьют у почтовых ящиков, претензии старику не предъявишь. Предотвратить нарушения полиции не под силу. К тому же красноносый хотя бы не хватает кого попало, лишь бы закрыть следствие...

— Дед с Гюльятней, — сказала Чулпан, заглядывая в блокнот. — Тонкая натура, ищет лучшего. Постоянно наведывается в другую страну, где отдыхает душой. Его трагедия в том, что он неразрывно связан с родным домом, хотя не любит его. Бежать ему некуда, он несчастен ровно настолько, насколько он способен выдержать. Некуда деваться и внуку. Он делает вид, будто жизнь у него славная. За границу он не рвется, потому что она сама приходит к нему. Его дискотеки — что-то наподобие ночного клуба, другого государства, которое на какой-то момент оказывается в государстве у него... Не путано объясняю?

Я кивнул, изо всех сил цепляясь за вереницу рассуждений моей гостьи.

— Внук притворяется довольным. Настоящего ночного клуба в квартире не получится, хотя бы потому, что соседи не дадут провести дискотеку ночью...

— И он тусит днем, — сказал я.

— То есть неполноценно. Вдобавок внук, молодой и амбициозный, мечтает о личной квартире. Родители и подъезд сковывают его самостоятельность, а выбора у него нет, как и у деда. Каждый из них по-своему против государства.

Чулпан говорила складно и с умом. Так пишут в образцовых сочинениях, которые зачитывает нам время от времени учительница по русскому. По мнению моей гостьи, покрытые краской записи на стенах — это подлинная история государства. Затертая, наполовину забытая и домысленная. В памяти сохраняются записи в домовой книге, счета-фактуры, другая документация, а также слухи о жителях, которые каждый будет пересказывать на своем языке.

Жизнь продлится, пока летят искры. А искры летят всегда. Люди как острова. Острова большие и малые, симметричные и непропорциональные, ледяные и тропические, исследованные и не очень. Острова теряют форму, сближаются, смыкаясь в архипелаги или нарушая форму друг друга. Татарка из тридцать восьмой не ищет противоречий с избранными, а посылает волны ярости на всех сразу. Она не бережет ненависти, чувства очень личного, ее гнев распаляется по всему подъезду, ненамеренно заряжая его энергетикой. Неспроста в ее проклятиях появляется Аллах, ведь религия — это древнее и грозное средство, десятикратно увеличивающее силы человека верующего. Кто знает, может, клочок седеющих волос на полу — дело рук колдуна, бросившего вызов исламу. Волосы — часть обряда, не менее, а то и более древнего и грозного, чем религия. Разгромленное и затравленное религией, но целевшее, язычество мстит — по-тихому, точно, основательно.

Говоря это своим добрым и мягким голосом, Чулпан улыбалась. Было неясно, всерьез она или шутит. Насколько она собрана во всем. На блузке и брюках

ни одной складки и пылинки, распушенные медные волосы зачесаны бережно. Даже веснушки — и те словно рассыпаны в строгом порядке.

— Куда мы отнесем моих соседей, которые ни с кем не ссорятся, не распускают слухов? — поинтересовался я.

— Тоже к государству.

— Притом что они не участвуют в спорах и никак не влияя на государство?

— Они влияют. Незаметно. Уравновешивают жизнь. Представь, что было бы, если бы государство населяли исключительно те, кто прыгает на одной ноге или всегда кричит?

— Тогда бы мы поубивали друг друга.

— Именно.

— Тебе в президенты надо!

— В аналитики.

Она мне подмигнула.

Ничего себе. В книгах бывает, что кто-то там кому-то подмигнул, а в жизни у меня, наверное, впервые такое, если не считать перемигиваний, когда играли в мафию. «Аналитики» — некрасивое слово, похоже на «сифилитиков», однако говорить этого я не стал.

Я обещал подготовить электронную презентацию. Проект ждал триумф, приз за оригинальность уж несомненно.

В подъезде Чулпан выкинула шутку. Без предупреждений позвонив в дверь напротив, она бегом бросилась по лестнице вниз. Растерявшийся на секунду, я помчался следом. Ботинки застучали по каменному полу. Дымивший на лестничной площадке внук проводил нас глазами. Между вторым и первым этажом моя правая нога запнулась о левую, я чудом не рухнул, схватившись за некрашенные шершавые перила. Новенькая дождалась у доски объявлений, где «кухня», «образование», «ремонт» и прочие склады валились в «кредит».

— За нами побежали, — сказал я.

У подъезда привычно дежурил старик в шапке. Несмотря на отступавшую зиму и растекавшийся грязью снег, нос караульщика почудился мне красней обычного. Старик вцепился хищным взглядом в меня и мою гостью. Она прыснула от смеха. Очень смешно. Особенно для тех, кто не живет здесь.

Когда мы скрылись за стеной, Чулпан, все еще улыбающаяся, произнесла:

— Странно, что он не потребовал документы.

— И визу, — сказал я.

— Да ладно, не обижайся.

— Аналитики так себя не ведут.

— Пусть это будет наш социальный эксперимент. — Чулпан снова подмигнула. — А еще мне кажется, люди прячутся за паролками, как за дверями. Альтернативы

не существует. И каждый чувствует, что ни дверь, ни пароль не спасут в крайнем случае.

— Ты так быстро переходишь от одной темы к другой, — сказал я.

Она прижалась ко мне. От ее волос шел вкусный запах молока, щека обдавала огнем. Мы словно сравнились в росте, сантиметр к сантиметру. Живот налился теплом, я прошептал:

— Ты мне нравишься.

Кирпичи в стене слились перед глазами в один красный, гладкий и уносящийся далеко-далеко.

— Ты мне тоже. До завтра.

Готов поклясться, я чувствовал перекрестие прицела на спине, когда миновал старика.

Внук свесил ноги с подоконника и стряхивал пепел в замызганную пепельницу. Ноздри его, втягивая воздух из форточки, подергивались, как у крысы. Белая футболка с Нью-Йорком, размера на два больше нужного, висела мешком, с одной из тапочек свешивалась подошва.

— Зихеришь.

— Здравствуйте, — пробормотал я.

— Думаешь, все просто? Позвонил и смотался?

Я молчал.

— В следующий раз пойдем к соседям, и ты на коленях будешь молить о пощаде. Усек?

— Да.

— Не води сюда никого. Это твой падик. Его надо любить и беречь.

Конечно, на колени меня перед соседями не поставят. Но этот угрожающий тон.

Почему он спускается курить к нам? Ну почему?

Обвинили меня с порога. Не разувшись, мама до тошно осмотрела половик и линолеум рядом.

— Песка натаскала. Если ее дома не приучили ноги отряхивать, мог бы и ты напомнить. Постеснялся? — не столько спросила, сколько заключила мама.

Когда тебя окучивают с ходу, без возможности оправдаться, растеряется кто угодно. Я не исключение.

— У нас проект по обществу. В четверг сдавать. — Я придвинул к маме тапочки.

— То есть ты собираешься водить ее до четверга?

Из дырки на маминых колготках торчал большой палец с крашеным ногтем. Наверное, это самое некрасивое, отталкивающее, что мне встретилось за день. Не старик и не внук, а палец из дыры в полупрозрачных, песочного цвета колготках.

— Мы не включали приставку и компьютер, а занимались уроками. Это не преступление.

В ответ кислотный взгляд — и только. Мама сдержалась, и это не сулило ничего хорошего. Значит, вечером на меня обрушатся с двойной силой. Будут осаждают упреками, пристыжать за сделанное и не-

сделанное, то срываясь на крик, то повторяя дрожащим голосом старые слова. «Ты родителей теперь ни во что не ставишь?», «Скоро до инфаркта доведешь!», «Заврался уже вконец!» В чем бы меня ни винули, выражения выбирались одни и те же. Откапывались проступки пяти-, а то и десятилетней давности. Чаще всего — как я убежал с другом на Ноксу и пропал до одиннадцати вечера. Или как наврал насчет похода в ТЮЗ, а выданные на несуществующий спектакль деньги спустил в парке аттракционов «Шурале». Отбиваясь от родительских нападков, я грубил и в итоге заливался слезами в своей комнате.

Грубил, когда грубить не хотелось.

Подозреваю, сегодня меня будут прессовать как никогда. Девочек домой я еще не приглашал.

Мама потащила папу в кухню, едва он переоделся. Подперев дверь табуретом изнутри, родители стали перебивать мне косточки. Я затаился в коридоре, напротив настенного календаря с птицами, чтобы при случае притвориться, будто здесь не за подслушиванием стою.

Мамин голос звучал громче: «Чуть под землю не провалилась, когда мне сообщили... Понятия не имею, чем они два дня занимались... Додумать до такого... Я не позволю этой дуре таскать песок с улицы... И это восьмой класс! В девятом они на балконе траву курить будут... Ты отец, ты обязан донести до него...» Папа напрасно советовал успокоиться и не оскорблять незнакомого человека. «Тогда он примет ее сторону и ополчится на нас. Ты этого добиваешься?»

Утешало, что папа с мамой не во всем согласны.

Мои одноклассники запросто сходятся и расстаются с парнями, которым восемнадцать-двадцать, и пропадают до полуночи. Не знаю, что парочки позволяют себе наедине, но у стен школы и на остановках они безбоязненно сосутся. Скажи, что старым заморочкам не осталось места и что восьмиклассники теперь другие, родители не поверят. Им нет дела до остальных восьмиклассников.

Первое июня выпадало на воскресенье, мой день рождения — на пятницу, а тридцать первое декабря — на среду. Когда я, прикинув даты выходных на майские праздники, приступал к осенним каникулам, на плечо мне легла папина рука. Я вздрогнул.

— Поговорим?

По обыкновению тихая, моя комната в сумеречном свете казалась еще тише. Лишь мелкий дождь отбивал дробь на карнизе. Унылое небо за окном будто поглощало остальные цвета: белая пластиковая рама потемнела, а сиреневые обои потускнели. Отец прикрыл дверь и зажег свет, словно тоскливая палитра угнетала и его.

— В знак того, что я явился к тебе с миром, я разоружаюсь.

Папины очки в толстой оправе исчезли в кармане неизменной полосатой рубашки.

— Близорукий я никому не соперник, поэтому настроен исключительно на конструктивный диалог. Идет?

— Идет. — Я улыбнулся.

— Отлично. Мама сказала, что вы якобы разрабатывали проект. Какой, если не секрет?

— Государство, — сказал я и кратко объяснил суть, не умолчав и о подъезде.

Папа потер переносицу, точно поправляя очки.

— Достойный выбор. Винить не смею, не в моей компетенции ломать карьеру перспективному политологу. И все же, между нами, специалистами, — папа заговорщицки подмигнул, — назревает конфликт из области внутренней политики. Понимаешь?

Я помотал головой. Чулпан подмигивала естественно, а папа — вымученно. Впрочем, он желал пойти на мировую.

— Конфликт у нас извечный: между властью и народом. Ты народ. Я посредник, ищущий компромисса.

— А мама — это власть?

Папа засмеялся.

— Нет, мы определенно должны сохранить такого специалиста, как ты, для страны! Власть... Выразимся так: наши с мамой функции взаимодополняющие. Какими бы монстрами мы тебе ни казались, власть осознает причины народного негодования и народом обеспокоена...

Так, с помощью метафор и сравнений, отец объяснил, что от меня требуется. Приводить Чулпан домой я не мог, при этом общаться с ней разрешалось. Наперед, если вдруг я задумаю привести кого-нибудь в гости, я должен предупреждать за день. Отец сказал:

— Я верю, у вас с одноклассницей все по-дружески. Нет ничего зазорного в общении с девочками. В конце концов, все равны. Но все же мой тебе совет: испытай ее по-дружески. Выдержит испытание — значит, дружба настоящая.

Напоследок папа рассказал притчу о женихе. Женых вместо приглашения на свадьбу отправил приятелям эсэмэски, прося о помощи. На свадьбу не явился никто.

Ужинали без сестры. Прошмыгнув в наушниках к плите, она накидала в тарелку риса и цветной капусты и унесла к себе. Мама вздохнула, слушая, как ноги в носках, белом и розовом, скользят по коридору. Проведи в комнату водопровод, клади еду под дверь и плати за Интернет — и сестра из комнаты вылезать перестанет. Однозначно.

Честное слово, я и не помышлял о дружеском испытании, а элементарно забыл о презентации. В конце концов, в восьмом классе всего не упомнишь. Даже

теперь, спустя два дня после выступления, не совсем понятно, что от меня требовалось. Сфотографировать батареи и электрощиты? Заставить внука позировать с сигаретой? Снять ролик с танцующим стариком? Взять интервью у татарки из тридцать восьмой, где она приподнимет завесу над тайной ее борьбы с колдунами? Что за чушь!

Как бы то ни было, Чулпан рискнула сбежать с физкультуры, чтобы состряпать презентацию на скорую руку, да Султан Азатович буквально схватил новенькую за воротник у крыльца. С наказанием физрук не замедлил. Класс выстроился на паркете, за чертой баскетбольного щита, и наблюдал, как проштрафившаяся наматывает два лишних круга. Я искренне жалел ее тогда, хотя и не нашел разумного предложения присоединиться. К моему облегчению, над Чулпан никто не шутил. На физкультуре смеяться позволялось только с одобрения Султана Азатовича. Состричь означало бежать кросс вместе с новенькой.

Перед общественным кабинетом нас долго не впускали в кабинет: Румина Максимовна на все лады распекала трех одиннадцатиклассниц, пропустивших электив по ЕГЭ.

— И чего я разоряюсь, и чего я разоряюсь! Вас на принудительные работы отправлять пора, — кричала она на весь коридор.

Пыль, высвеченная на солнце, словно замерла в воздухе от страха. Учителя не казали носа из кабинетов. Чулпан держалась за моей спиной, не вспоминая о казусе на физкультуре.

Несмотря на то что Румина Максимовна встретила нас без крика, все суетились. Крепили магнитами самодельные таблицы и схемы на зеленую доску, скидывали презентации с флешек на учительский ноутбук. Ручки и магниты срывались на пол.

Кроме нас с Чулпан, все команды состояли либо из девочек, либо из пацанов. Первые рассказывали о семье или о магазинах. Вторые — о классе или о дворе. Алмаз, наряженный в рубашку цвета брызги шампанского и синий с желтыми полосками галстук, на выходе поклонился. На манжетах поблескивали черные запонки. «Класс — это государство, потому что мы едины. А кто един, тот непобедим», — начал Алмаз.

Чулпан прикрыла лицо ладонью. А мне понравилось. Верно, как ни крути.

Наш план меня устраивал. Чулпан выступала, я с умным видом стоял рядом и подхватывал речь, если компаньон запнется. Только импровизация, только хардкор, как любят повторять в школе вслед за молодым обжэшником, Аделем Маратовичем. Дураку ясно, это цитата из Интернета. И тем не менее она ассоциируется с Аделем Маратовичем. Мало ли кто и что сочинил, надо еще и сказать вовремя.

Мы провалились с первой же секунды, с первой фразы.

— Извините нас, пожалуйста, мы не выполнили презентацию. Мы забыли, — обратилась к историчке Чулпан.

— В таком нежном возрасте уже подводит память? — ядовито сказала учительница.

В классе раздался смешок. Чулпан крепче сжала альбомный лист с пометками.

— В качестве микромоделей государства мы выбрали подъезд, — сказала она. — Средний подъезд среднего русского человека.

— А чего не татарского? — выкрикнул двоечник Дударев с третьего ряда.

Ударами линейки по крышке стола Румина Максимова прервала раздавшийся смех.

— Тихо! — рявкнула она. — А вам не мешало бы точнее излагать свои мысли, чтобы не давать повода для idiotских вопросов, — добавила учительница, поворачиваясь к доске, где мы с новенькой переминались с ноги на ногу.

— Под русским я имела в виду среднего человека в России, — поправилась Чулпан.

— Сразу и конкретизируйте, что россиянина, — проворчала Румина Максимова. — Слушаю.

Чулпан начала. Слова растягивались и с тяжестью наваливались друг на друга, из ниоткуда вылезли многочисленные «э-э-э», «вот», «то есть». За слова-паразиты нас нещадно ругали на русском, и именно они завелись в речи новенькой в самый неподходящий момент. Тихий, голос Чулпан сделался еще тише. До жути смущенный оттого, что мне некуда девать руки, я долгое время не отводил глаз со стеклянных створок шкафа у дальней стены. Когда я украдкой посмотрел на новенькую, я тут же отвернулся. Ее лицо покраснело настолько, что веснушки не были видны.

— Что касается населения, людей, населяющих государство... — Чулпан умолкла и коснулась моего запястья.

Я вздрогнул, как от сигнала скорой помощи, и заговорил:

— Например, старик или бабка у подъезда — это как бы охрана. А старший по дому — это почти как

главный в государстве. Другие, например, жители — тоже горожане...

— Кто главный в государстве? — спросила Румина Максимова.

— Президент. Или царь.

— Это существенная разница. Есть чем дополнить?

Чулпан боялась поднять взгляд. Я сказал сердито:

— Нет.

— Три. Идея самостоятельная, воплощение бездарное. Таблиц нет, презентации нет, выступление скомканное.

Чулпан прошествовала к парте, сложила вещи в рюкзак и вышла из кабинета. Какого черта она сразу призналась насчет презентации? Спасибо, хоть не уточнила, по чьей вине ее нет.

— Побежишь за своей взбалмошной подружкой? — Румина Максимова прищурилась.

— Она не моя подружка.

Под гогот класса я вернулся за парту. В спину мне ткнули ручкой.

— Твое государство — это подъезд? — Алмаз оскалил зубы.

— Я опозорился?

— А семейник — это президент типа? Дорогие граждане, сдайте, пожалуйста, по сорок рублей на починку домофона...

— Тихо! — крикнула историчка.

— Я сильно опозорился? — прошептал я.

— По правде, нет. Скучно было.

— Тихо!

Историчка бубнила себе под нос, раздавала замечания направо и налево, прописывала по пунктам общие недочеты всех команд. Мел врезался в зеленую доску, крошка сыпалась, но оцепенение уже прошло. Скучно — это не позорно. Скучное забывается.

Чулпан поймала меня у раздевалки.

— Как ты? У меня родителей вызывают, — спросила она.

— Ничего. Твоя истерика закончилась?

— Я не истерила! — вспыхнула новенькая.

Я помахал рукой на прощанье.

В сентябре объявили, что Чулпан перевелась в другую школу.